

в разряд компетенций духовной школы — профессиональных теологов (с. 206). Вместе с тем со времен Александра I до нынешней «постатеистической» эпохи существенное значение в процессе перевода и распространения библейских текстов имеют два элемента, неразрывно связанные друг с другом в контексте «века мобилизации» — силы государственной власти и рыночных отношений (с. 207).

Как кажется, одним из главных достоинств монографии Баталдена является приложение, иллюстрирующее объем проделанной исследователем работы. Аннотированный перечень всех изданий текстов Св. Писания на русском языке (помимо множественных репринтов) с 1794 до 1991 г. является уникальным в своем роде научным достижением.

Монография Баталдена не может не вызывать интерес, прежде всего в связи с той нестандартной, с точки зрения классической церковной историографии, интерпретацией, которую предлагает автор. Акцент на производственном процессе при рассмотрении деятельности РБО, попытка исследовать русскую библиологию как двигатель правозащитнической активности, а также рассмотрение переводов, выполненных в еврейской среде, в одном ряду с церковными переводами, — все это является проявлением оригинального авторского подхода, позволяющего по-новому взглянуть на знакомые исторические события. Кроме того, безусловным достоинством автора является способность практически полностью абстрагироваться от конфессиональных установок, касаясь такого животрепещущего вопроса, как перевод Св. Писания. Призванный к обобщениям обширностью темы, автор, как кажется, несколько упрощает российскую церковно-историческую и даже общественно-культурную реальность, анализирует процесс библейских переводов через призму знакомой оппозиции либеральных и консервативных общественных течений. Последнее не мешает признать значительный вклад автора в изучение русской библеистики, богословской науки и российской истории в целом.

*Е. И. Лютъко
(ПСТГУ)*

Кюнз Г. Фрейд и будущее религии / О. Хмелевская, пер. М.: Издательство ББИ, 2013. XII, 139 с. (Серия «Богословие и наука»)

Имя известного немецкого теолога Г. Кюнга не нуждается в особенном представлении. Он широко известен своим неординарным подходом к различным проблемам современного христианства, которые исследуются в его многочисленных, довольно объемных и содержательных работах. Некоторые из них, в частности книги «Быть христианином» и «Существует ли Бог?», были переведены на русский язык еще в 1980-е гг. и выпущены самиздатом. С этого времени начинается знакомство русского читателя с работами Кюнга. Книга, которая представляется на суд российского читателя, вносит существенный вклад в исследование недостаточно освещенной в современной отечественной научной

литературе проблемы взаимодействия теологии и психологии бессознательного в лице наиболее значительных ее представителей, таких как З. Фрейд, К. Г. Юнг, А. Адлер, В. Франкл, Х. Э. Рихтер, Э. Драпер и другие¹.

Кюнґ подходит к этому вопросу начиная с детального анализа предпосылок атеизма Фрейда, который проводится им путем тщательного исследования биографии и источников мысли знаменитого психолога, а также его сочинений, которые касаются религии. При этом Кюнґ считает важным подчеркнуть: идея Фрейда о том, что в развитии религии играл роль момент проективной реализации самых древних и настойчивых желаний человечества, вовсе не опровергает возможности существования Бога, то есть того, на кого направлена проекция. Эта идея вообще никак не затрагивает вопрос о существовании объекта проекции (с. 64–65). Именно поэтому анализ религии с точки зрения ее бессознательных источников, согласно Кюнґу, который в этом следует за Фрейдом, не наносит совершенно никакого вреда религии и не ведет с необходимостью к атеистическому образу мыслей. Кюнґ пишет: «То, как Фрейд объясняет происхождение веры в Бога, еще не оспаривает саму эту веру. Фрейд анализировал психологический аспект религиозных представлений. И этого ему, как в свое время Фейербаху, не смели запрещать богословы и церковные мужи. Ибо психологическое истолкование веры в Бога возможно и легитимно! Но разве вся религия сводится к психическому? Не будем забывать, что Фрейд не разрушил и не опроверг религиозные представления, и ни атеисты, ни богословы не имели права вычитывать подобное из его критики религии. Ибо само по себе психологическое истолкование не способно пробиться к первой или последней реальности: по отношению к ним оно остается принципиально нейтральным» (с. 67). Таким образом, определяются границы психологического анализа, которых непременно должен придерживаться ученый и, в частности, аналитик в своей работе.

Отбрасывая все то, что в построениях Фрейда с позиций современного исследователя выглядит совершенно фантастическим (например, интерпретации некоторых установленных историками религии фактов в «Тотеме и табу»), Кюнґ видит его заслугу в критике искажений в религии, приводивших к нетерпимости, подавлению разума, к неврозам. Фрейд, как указывает Кюнґ, со всей решительностью призывает к искренности, к критическому размышлению, для которого не должно быть никаких искусственных преград (с. 112). В том или ином виде немецкий теолог принимает идеи Фрейда о влиянии впечатлений детства и детских привязанностей на последующее развитие человека, о том, что «человек должен вернуться к самому себе, научиться справляться с собственными инстинктами, грузом прошлого и проблемой вины» (с. 82). К этой линии примыкают и Юнг, который призывает нас признать существование «шлейфа» вос-

¹ Кроме трудов упомянутых авторов, существенный вклад в разработку проблемы вносят следующие работы: *Рикер П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М., 2012. С. 159–300, 512–662; *Pfister O.* Analytische Seelsorge. Einführung in die praktische Psychoanalyse für Pfarrer und Laien. Göttingen, 1927; *Daim W.* Tiefenpsychologie und Erlösung. W., 1954; *Idem.* Umwertung der Psychoanalyse. W., 1951; *Rudin J.* Psychotherapie und Religion. Seele — Person — Gott. Freiburg im Breisgau, 1960; *White V.* Soul and Psyche. An Enquiry into the Relationship of Psychotherapy and Religion. L., 1960; *Biddle E. W.* Integration of Religion and Psychiatry. N. Y., 1962; *Мэй Р.* Религия и душевное здоровье // Урания. 1994. Вып. 3. С. 39–44.

поминаний и впечатлений прошлого, «тени», и научиться жить с ним, и Адлер, понимавший религию как ответ человека на ощущение собственной неполноценности и выражение стремления к совершенству, хотя их позиции по многим другим вопросам довольно существенно отличаются от точки зрения, которой придерживался Фрейд.

Кюнг выделяет еще один важный момент учения Фрейда — разработку понятия вытеснения. В отличие от психоаналитиков фрейдистского направления, Кюнг говорит не о вытеснении сексуальности, а, наоборот, о вытеснении нравственности и религиозности, которое стало одной из наиболее острых проблем современного общества. И, так же как Фрейд говорил о возвращении вытесненного, а Юнг — о встрече с собственной «тенью», Кюнг говорит о необходимости вернуть утраченные ориентиры, нормы, значения, смыслы. Только они могут помочь человеку на пути его индивидуации и самоопределения, «облегчить ему путь к развитию и зрелости через переживание заново забытых и вытесненных обстоятельств своей истории, их проработке и интеграции» (с. 99). Без этих направляющих ориентиров проблемы страха, вины, агрессии, расщепления человеческой личности, ставшие настоящим бичом западного человечества, так и будут оставаться нерешенными (с. 119–120). Поэтому, с одной стороны, Кюнг выступает против вытеснения религиозности, в частности против «вынесения за скобки» вопроса о религии в психотерапевтических практиках и в современной психологической литературе, тем более что целый ряд аналитиков уже давно признали значение духовных импульсов и проблем в процессе развития личности². С другой стороны, он отмечает пробуждение интереса богословов и пастырей к психоанализу, который своей критикой «может помочь вере стать менее инфантильной и более зрелой» (с. 82, 129–130), а также по-новому интерпретировать понятия греха и вины, оправдания и прощения, телесности и сексуальности. Здесь Кюнг находит основание для сближения теологии и психоанализа на современном этапе.

Как мы видим, в своих размышлениях Кюнг учитывает результаты психологических исследований, вместе с тем не допуская психологию к решению «последних вопросов», на которое она не может претендовать. В связи с психологическим понятием вытеснения, о котором мы сказали выше, мыслитель пишет о — пусть даже предварительном и частичном — решении проблем человека на путях «новой религиозности» (с. 132), которую он также называет «истинной, здоровой, подлинной» (с. 133) и отделяет от различных псевдорелигиозных представлений, получивших чрезвычайно широкое распространение в настоящее время. На смену разного рода суррогатам, которые заполнили духовный вакуум современного человека, должна прийти новая стабилизирующая и дающая духовную опору сила, религия, появление которой, следуя мысли Кюнга, можно в известном смысле назвать возвращением. Задача теолога и каждого христианина, живущего в современном мире, заключается в том, чтобы работать во имя целей возрождения религии и утверждения ее подлинного значения.

² Классическими примерами этого являются К. Г. Юнг и Л. Сонди. Кюнг в своей работе рассматривает с этой точки зрения подходы некоторых крупных представителей гуманистической терапии (с. 126–129).

В целом можно сказать, что выход информативной и отличающейся глубоким анализом поставленных проблем книги Г. Кюнга на русском языке восполняет пробел в литературе по психологии религии, который все еще остается весьма значительным. Центральная тема этой работы — исследование взаимоотношений психологии бессознательного и теологии — подводит нас к проблемному полю отношений науки и богословия в целом. Решение, которое предлагает Кюнг, имеет компромиссный характер и подразумевает сочетание этих направлений человеческой мысли, от которого много приобретут обе взаимодействующие стороны. В этом смысле идеи Кюнга близки позиции Э. Фромма, а из более современных мыслителей — О. Древерману. Проводимые им глубокие исторические параллели, например между учениями Л. Фейербаха, К. Маркса и З. Фрейда, полнота изложения материала, обширная эрудиция автора, а также строгий и ясный стиль изложения делают книгу крайне полезной для студентов-религиоведов, философов, учащихся теологических учебных заведений. Эту работу также можно рекомендовать к прочтению всем интересующимся широким спектром проблем психологии религии, философии религии и современного богословия.

*Д. С. Дамте
(МГУ)*

САКРАЛЬНОЕ БЕЗ ГОЛОВЫ

[Рец. на: Зенкин С. Н. Небожественное сакральное: теория и художественная практика. М.: РГГУ, 2012. 537 с.]

Современный российский ученый С. Н. Зенкин, профессор Института высших гуманитарных исследований РГГУ, известен в первую очередь как литературовед и переводчик с французского. В рассматриваемой книге он обращается к сфере, обыкновенно являющейся предметом исследования религиоведов, философов и богословов, а именно к категории сакрального и рассмотрению ее функционирования в мире.

Книга производит неоднозначное впечатление. С одной стороны, это исследование очень высокого качества, основным достоинством которого является изложение западных концепций сакрального, недостаточно известных русскому читателю. В центре рассмотрения — направление, связанное с парижским Коллежем социологии и тайным обществом «Ацефал», представленное в первую очередь его лидерами Ж. Батаем и Р. Кайуа, переводчиком ряда произведений которых на русский язык является автор книги. Именно через призму этого весьма любопытного направления рассматриваются другие концепции сакрального — его непосредственные предшественники (в первую очередь Э. Дюркгейм и М. Мосс), последователи и оппоненты. Таким образом, книга может служить